

Пнясо-шаверма Совета Совин

Рано с утра я стремглавым галопом, почти что кувыркаясь через голову, залетел в любимую завтрачную шаверму, чтобы скушать глубокообожаемую шаурму. Её владелец и одновременно повар Такий посмотрел на меня большими невыспанными глазами с осоловелыми фиолетовыми кругами вокруг, ровными, как олимпийские кольца, и, нахохрившись, как-то необычно чихнул, как полузамёрзший снегирь, заблужившийся в январской стуже. Я никак не мог ожидать такой странной реакции на своё появление. Такий покрутил головой, потом вправо, потом снова влево, потом снова вправо, потом снова влево, потом снова вправо, будто бы голова его была на шарнирах - а, может быть, оно именно так и было: недаром же он издавал столь странный скрип. Когда я уселся за столик, то моя нога упёрлась во что-то мягкое, но стоило заглянуть под стол, как там обнаружилось колоссальных размеров перо. Оно было одним-единственным, зпто огромным, почти что с лодку размером. Положив ноги на перо для смягчающей амортизации, я всецело предался размышлениям и начал, открыв небольшой блокнотик, записывать туда собственные мысли, подозвав официанта-повара-владельца в одном лице Такия и заказав две средних порции шаурмы.

Надо сказать, что шаурму здесь подавали просто удивительную, и тем удивительнее казалось название шавермы: “Овл”. Всего три буквы. Да-да, “Овл”. Но это было написано крупно, а помельче можно было различить, судя по всему, фамилию владельца Такия, да и вообще всё это наименование вполне себе тянуло на кличку какого-нибудь героя древних сказок и мифов: “Овл Вудмит”. Ну, в общем, это было, конечно же, здорово. Шаурма была отменной. Она так и сочилась подобием оливкового масла, да и вообще в сём блюде проебледал утончённый аромат всё тех же чуть перезрелых маслин с бензиновым душком. Но в следующий момент я пришёл в себя уже ночью, когда стемнело, в собственной квартире, сидящим напротив расшторенного окна собственной комнаты. То ли шаурма так подействовала, то ли ещё что. Кто ж его знает. За окном мельтешели какие-то огни, ходили пешеходы, курились юрты, мигали фиолетовые сигнальные огни автотранспортных фургончиков государственных служб. Мне никак не удавалось сфокусировать собственное зрение для того, чтобы понять, что же там, в действительности, происходит.

Творилось какое-то беспокойство. Приглядевшись, я заметил преинтереснейшую ситуацию: подъехал очередной фургон с мигалками, на полном ходу вписавшись в какой-то пень. Из транспорта кубарем выкатились какие-то актёры, одетые в костюмы ростовых кукол - то ли сов, то ли филинов, очень даже реалистичного облика. Костюмы были столь качественными, что

на них виднелось буквально каждое пёрышко, даже подсвечиваясь в бело-лунном и звёздном свете, будто бы радиоактивное какое. Гигантские совы принялись с фонариками шорохаться в потёмках возле ближайшей десткой дворовой песочницы, где как раз, ссутулившись, допивал бутылочку местный бомжик Тюхотя. Тюхотно тут знали все - кто ему да когда копеечку подавал, а кто и пинок под зад. Сам он подкармливал кошек, обожая таскать голубей в карманах. Но в данной ситуации, наблюдаемой мною, творилось нечто абсолютно невообразимое: совы уселись верхом на овчарок и понеслись в сторону Тюхоти, который уже засыпал над бутылкой, склонив свой пиноккиобразный шнобель куда-то в сторону постоечных и ещё не успевших до конца рассыпаться песочных замков неизвестного четырёх- или пятилетнего архитектора, но очень, к слову сказать, талантливому. Псы были в полнейшем боевом обмундировании, закованные в латы, грызли узду, а вместо сёдел на них значились полнеоценные мягкие кресла, на которые ростовые совы и взгромоздились.

Продравший на поднявшийся шум свои подслеповатые глазёнки Тюхотя решил было, что ему пришла окончательная белочка и вскочив, начал орать, замахав руками и ногами, а затем понёсся куда-то в сторону ближайших кустов то ли рябины, то ли ирги. В темноте было, право, не разобрать, что за кустарниковая растительность. Но даже это не остановило его преследователей. Через некоторое время я, точно бы поддавшись остеклившему всё тело трансовому гипнозу, завалился набок и погрузился в раздумья самой что ни на есть призрачной природой, продлившейся до самого утра где-то между сном и явью. Вообще, это всё было, окнечно, презабавно. Презабавно, да. Презабавно.

Вышедши с утра вынести пакет мусора, я обратил внимание на растущий у дороги свежий пенёк. Он был в самом пренеудобном положении, как будто пророс сквозь асфальт, но самым поразительным было даже не это. Пеньёк был благополучно обустроен. На его крашенных крышечках глаз, смотревших из-под бровей-чаг, как-то грустно и точно бы вопросительно, вытягивался сучковатый, подрубленный на самой серединке нос, под которым красовались пышные, как у московской проститутки, ярко-отполированные губы, тянувшиеся почти до самых выпираний ушей, в качестве которых с пня, справа и слева торчало по два ржавых шурупа. Не без прикола на плоскую стрижку площадки, имевшуюся в самом темени пня, была надета грязно-поношенная бейсболка с надписью "I♥NY". Но стоило мне выкинуть мусор и через пару минут начать возвращаться, как на том же самом месте обнаружилась уже целая семейка пней вида самого разнообразного. До вычурной отменности. Часть из пней, по-старчески скорчив кору своих мимических морщин, дурковато оглядывали из-под хмурых мхов бровей

близлежащие ландшафты. Другие белелись по-молодецки берёзовыми чурбанчиками светлых то ли кож, то ли кор. И надобно отметить, что некоторые из них златокудрыми завитками светлой древесной стружки поизводили самое наиболее благороднейшее впечатление, как будто всё с тог же то ли Пиноккио, то ли Буратино содрали тончайший пергамент, выделали его и пустили на построение волосяного покрова всех этих пеньков, применив древнекитайский рецепт создания желтоватой бумаги, похожей не то на папирус, не то на ичпсы, не то ещё на какую забаву.

Невероятно, это просто невероятно! Как за такое кличество времени, буквально в две минуты, пней-то поприбавилось. Я не находил ответа на этот вопрос, а потому не находил себе места. Заглянув за угол дома, я решил-таки обмануть пни. Неужели в их жизни всё складывалось так гладко? Вернувшись ещё через минуту, я обратил внимание, что они будто бы обросли ещё одним окольцовывающим кругом и теперь точно начинали напоминать ведьминские круги лесных поганок. Что они тут растут, как кружки в среде самогонщиков? В чём же подвох? Кто их таскает? Я отвернулся, затем развернулся и посмотрел снова. Пеньков сразу стало меньше примерно наполовину, и тогда я почти галопом понёсся в ближайший магазин за автомобильным видеорегистратором. Нельзя же такое пропустить, я должен. Должен узнать, как двигаются эти пни. Неужели перемещаются на корешках, царапая упругими коготками окончатый застарелый, иссохшийся и растрескавшийся асфальт. Небывалое открытие. Вдруг Нобелевскую дадут? Или хотя бы Шнобелевскую.

Каково же было моё разочарование, когда я, просмотрев всю видеозапись за последующие три дня и ночи, не обнаружил вообще никаких изменений среди пней, однако же, стоило мне опять посмотреть на них - и вот уж пни перестоились в новом порядке. А! Там, быть может, это квантовый принцип влияния факта наблюдения на результат проявляется в случае пней? Они меняются только тогда, когда на них смотрит живое существо, и кто знает, может, другой человек увидит эти пеньки с глазами совершенно иначе. Я побежал к соседке бабе Вале. Она в это время с шумным грохотом жестяных вёдер мыла пол на лестничной площадке, тихонько матерясь на политиков и осеняя спиралевидным сучковатым знаменем стены.

Соседка та была не простая, она состояла в адвентистах седьмого полена или, проще говоря, варила в среде Свидетелей Буратино, поэтому знала о пнях всё. Во всём мире не сыскать было человека, кто бы знал о пнях больше бабы Вали. Ещё она была депутатом местного Городского собрания, параллельно проходя лечение в ближайшей психиатрической клинике. Интересная старушка! Неугомонно шоркая пол она бормотала что-то под нос, когда я прервал её бесконечную чееду, похожую на перебирание чётков зубами,

и вставил в эту пулемётную очередь бормочущих звуков собственное предложение пойти за мною, чтобы проследить за пнями. Как водится, какталась она только на роиковых коньках, и вот, скатившись с лестничной площадки до самого низа. Громогласно завывала и начала опять истово знаменовывать всё деревянным сучком, глядя на пни. Выглядела она при сём процессе так, словно из неё исходили бесы, одновременно она и была тем самым экзорцистом, который тех бесов изгонял. Баба Валя шумела, точно внутри неё пересыпался горох, воркуя: “Пняясо! Пняясо! Пняясо! Избавь мя от няяво!” Я попросил её пересчитать пни, но вместо этого она достала барабанные палочки и принялась активно ими шуругатить по поверхности пней так, словно бы для неё это имело первостепенное и огромное значение. С палочек срывались ноты, которые она с придыханием комментировала.

В конце конов, она выяснила, что пни звучат ккак Бетховен, сыгранный мальчиком-пионером на первомайский праздник, но, к сожалению, никакого мнения, затрагивающего её собственные наблюдения пенькового количества, она так и не соизволила мне сообщить. Обалдеть можно, а не старушенция-то, в общем. Музыкальная! Прогулявшись по городу и смотавшись на рыбалку до лижайшего озера, я возвращался довольный, тащив карпа подмышкой и сома другой подмышкой. Но не было мне покоя. Среди пней я обнаружил сов. Те самые совы в костюмах ростовых кукол размахивали топорами и бензопилами, и от улыбчивых ласковых и наивных пней лишь смиренные щепки летели.

- Куда? Куда вы? Не троньте красоту естественной гармонии природы! - я закричал на ростовых сов и замахал на них руками, но они лишь ощерились, взмахнули крыльями и улетели. Я слышал, как над головою, высоко в небесной дали, раскатисто разностистя стрекочуще-захлёбывающийся трепет их небезгрешных бензопил. А вдруг совы - это лики ангелов? Я поражался очередному собственному открытию, которые в последнее время сыпались на меня, как горох из дырявого мешка. Да какие открытия! Только зацените их! На следующее утро я, как всегда, решил зайти в обожаемую мною шавему. Такой, надев очки, недовольно зыркал на меня. Он чихал и продолжал чихать, зато в этот раз он как-то чудаковато сложился гармошкой, точно у него убрали невообразимым способом атомарной дезинтеграции несколько далеко не лишних позвонков. Когда он глубоко дышал, то весь как-то раздувался и вытягивался, как шарик жабьей щёчки, но коогда выдыхал, то выглядел совсем уж спущенным шариком жабьих дыхательных мешочков. И этот шарик, пристально и подслеповато вглядываясь, лупоглазо и внимательно интересовался, как я поедаю очередную порцию шаурмы. Нет, всё-таки она была премноголюбопытна.

Но вот из плоскостей теста на стол высыпалась пара-тройка мясинок, и я не без удивления обнаружил на оных годовые кольца. Станное подозрение

закралось ко мне в душу. Выскочив из-за стола, я со всех ног бросился, протянув руки, в сторону Такия, но в этот самый момент, опять испытал очередную амнезию, обнаружил себя в квартире. Отдышавшись от неожиданного поворота событий, я решил выбраться наружу и немного прогуляться по городу. Под ближайшими каштанами раскидисто медитировал клан местных бомжей, откуда и происходил родом Тюхотя, к слову сказать. Я не знал, выжил ли он после недавней встречи с совами, или вовсе нет. Когда я проходил мимо представителей клана, один из бомжей поднял глаз и высоким голосом с сопливо-простуженной хрипотцой он заголосил:

-Добрый человек! Добрый человек! Подойди сюда, мой хороший. Избави нас от облав.”

- Чего? - не понял я.

- Вот смотри. За нашими братьями давно идёт охота.

- Какая ещё охота?

- Просто у сов есть магическое зеркало, и поэтому содного нашего брата получается много отражений - пней. А ты думал? Ты думал, из чего они шаурму готовят?

- Из чего они шаурму готовят?

- А вот понаблдай. Но нет, на сей раз мы так просто не сдадимся. Вот тебе наше зубоврачебное кресло. Ты засядь в него поудобнее под ближайшим каштаном, и смотри до ночи - будешь нашим надзирателем и великим соглядятаем в ночи. Нам просто нужен человек со стороны, а то нас-то совы всех знают.

С удовольствием приняв столь детективное предложение, я расселся в стоматологическом кресле, любезно предоставленном мне кланом бомжей, и принялся внимательно наблюдать. Стемнело. Когда последние лучи солнца, похожего на перезревшее манго, уже совсем догорели, и готовы были запечь в ближайшем костерке пару-тройку картофелин, обратившись в уличный костерок - в этот самый момент явились совы. В том, что гигантские совы были самыми настоящими, а вовсе не ростовыми куклами сов, как я подумал вначале, сомнений уже никаких не оставалось после того момента, когда они сподобились подняться в воздух и улететь. Не пределали же к костюмам крылышки, как у Икара, в самом деле! Да-да, это были самые настоящие разумные совы-мутанты клоссальных размеров, и среди них с самым менее всего проявленным оперением, я узнал их полуочеловеченного предводителя. Им, конечно же, был Такий. Совы снова явились сюда с топорами и бензопилами, однако же у Такия был зеркальный щит с какими-то вращающимися электромагнитами.

- Ааааааа! - раздался визг-лязг ближайшего из наблюдаемых представителей клана. - Совы, совы по нашу душу! Спасайся, кто может! - и тут

я увидел, как кричащий, попав под влияние лучей, вырывавшихся из ухающего зеркального прибора, весь аж позеленел и изошёл корешками с ветками. Прошла пара минут, и на месте, где лучи настигли поверхности его кожи, произрастали множественные пеньки. Они произрастали не просто, а отпочковываясь точно бы в геометрической прогрессии: от одного пенька приходило по три, от тех пеньков появлялось уже девять - по три от каждого, а от девяти пеньков было порождено уже двадцать семь чурбанчиков.

Такий, ощерившийся серыми перьями, смачно и низко заухал: “Братья, а это моё новое изобретение. Мы теперь плодим пни янтры. Если вы посмотрите на их конфигурацию из космоса, то это будет суцая янтра, я вам это гарантирую.” Самое поразительное, что среди пней не было повторяющихся, но приглядевшись повнимательнее, я понял, что все они являют собой возможные выражения лиц почившего странника, коему в первозданной чистоте сердца и весь мир - дом, а сейчас будто бы вся суть его личности распалась на сорок пней янтры: вот он грустит, обрастает свисающим лишайником уснеей, а вот размалёванные глаза его почти что засыпают, а здесь из него торчат весёлые весенние веточки, чуть ли не цветущие на ароматном ветру пчёт, тут вот он боится, и в пргнившем дупле его рта поди уж завелись какие-нибудь местного посола хомяки, дождливые синички или красочные сколопендры. А сей пень - самое его неистовство невообразимое, и корни окутывают гримасы деревянных ликов. Да пней явилось тридцать девять плюс один центральный, сорок пней янтры, ну так что ж с того?

- За работу, братья, за работу! - ухнул Такий и на этот раз надел медицинский халат и маску сварщика, достав длинную стальную блестящую трубку, заканчивающуюся толстым кабелем провода - боевой лазер, очевидно. Я понял, что Такий стырил лазер с ближайшей военной базы, но, хихикая в душевном порыве, всё же смог сдержать прорывавшееся клекотание смеха в горле. Вот так Такий, вот так сукин сын! А когда все пни оказались уже срублены, я вышел к совам с ломом и открытой нараспашку душой:

- Так вот, как Вы готовите шаурму, о мастер Такий! Из чьего мяска, господи?

- Он знает наш секрет пняса, схватить его! Отвезти на минную планету, он не должен раскрыть нашу тайну никому.

Меня, кажется, куда-то долго катили. Я не хотел катиться, но меня катили, причём всё на том же стоматологическом кресле, а когда сняли повязку с глаз, я увидал, что в туманной дали долины, простирающейся до горизонта, со всех сторон проросли пни. Надо мною нависала увеличенная во много раз голограмма Такия в образе исполинской совы, сквозь которую просвечивала полная и слишком уж для глаза до непривычного огромная луна. Сов раскрыл

КЛЮВ:

- Глупец! Мы даруем им свободу, мы даем им рай, мы сбрасываем их оковы, а ты, кто ты и что ты сделал? Ты лишь хотел бороться с нами? Видишь все эти пни, покрывающие всю без исключения поверхность планеты так, что она стала похожа на гигантскую корабельную морскую мину, только с гораздо большим количеством штырей-пеньков? Именно поэтому она зовётся минной планетой, а мы же сейчас на её повсеместном минном поле пней всех дней. Мы - совы свободы - находимся в извечном симбиозе с пнями, а единственное священнодействие их освобождения - это, будучи превращёнными из вашей природы, съедение в форме нового состава древесного мяса или, проще говоря, пняса. Так мы величаем их. Поглощая освобождённых, через нашу шаурму вы также включаете частицу сей планетарной юдоли истины, вы возносите их во всевеликий свет, возвышая их до масштабов воистину космических и возвращаете им первоизданную природу. А ты...ты же сам не ведаешь, что творишь в последнее время.

- Да, может быть и так, но ответь мне, Такий, хотели ли все те люди стать пнями? - я был несколько возмущён и раздосадован столь радикально категоричными заявлениями иллюзорно-прозрачной гигантской птицы.

- Они сами не ведают, чего в действительности желают. Именно поэтому, люди - существа природно жалкие. Вы не знаете, каково это - быть мясным пнём или совой, как это благочестиво, светолюбиво и отважно одновременно. Наши янтра-лазеры не могут даже поступать иначе, вы люди, просто обязаны теперь благословить нас. Мы, совы с минной планеты когда-то были подобны вам и уничтожили её окончательно. Теперь ты видишь - это лишь голая равнина? И мы жаждем возродить здесь новую жизнь, жизнь в виде пней вознесённых, а сами же мы, совы - вымирающий вид и прошлый, отработанный этап для нашей величественной планеты.

А вы, люди, лишь машины для этого вознесения. Так будьте же благодарны нам и давайте, становитесь же в очередь, чтобы обратиться пнями. Но ты...ты не достоин быть пнём, посему я покину тебя, оставив в столь привычном тебе и обыденном падшем человеческом обличье. Сам договаривайся теперь с каждым из священных Вознесённых самолично, дабы они согласились вернуть тебя на Землю. - с этими словами висевшее перед глазами голографическое изображение Такия бесследно растворилось в воздухе. Я упал в почву, разбив обе коленки, и стал драть поверхность планеты пней ногтями, но почти тут же услышал шорох, как от настраивающегося радио, передающего песни с виниловых пластинок, а затем раздались еле слышные искажённо-пилящие звуки мирных голосов в моей голове:

- Тише, тише, мы - коллективный разум этой планеты, не тревожь нас.

- Нет, я буду вас тревожить, если вы не вернёте меня тотчас же на Землю.

Будьте вы, пни, хоть семи пядей во лбу, я не собираюсь всю жизнь питаться отним лишь вашим деревянным пнясом. - и тут синь захватила меня, затем почти в сей же миг подул бриз белого цвета, в котором я, будто бы вознесясь под пик ярко-фиолетовой пирамиды, обратился в луч.

- О, да, о, да! Мы вернём тебя, но лишь с одним уговором, - передо мной веисел тот самый первый пенёк с корешками, так называемый, пенёк-пендрявый, которого я заприметил в первый раз, тот самый, с грустными глазами и толстыми напомаженно-лакированными губами и шурупами заместо ушей. - Мы вернём, но ты должен будешь отбывать нашу епитимью, наложенную на тебя. Она заключается в том, что тебе навек суждено оставаться в рамках природы своей человеческой и никогда вовек не обратиться в пенёк. Согласен ли ты на такие суровые условия?

Я посмотрел на пенёк с шурупами и, разглядывая надпись на его бейсболке, задал встречный вопрос:

- А ты правда так любишь Нью-Йорк, как ванильная девка?

- И хоть бейсболкой я в Нью-Йорке, душою - грозный сибиряк! - повозгласил мне пенёк-пендрявый и продолжал. - Пройдись, как молнией по корке, пусть слезет оголтелый лак! Несись скорее, корнем шоркай и потрясай ветвей кулак. Тебя приветствуют бутоны, премозговитый дух-батон. Но ако сам ты из бетона - навеки будешь есть картон! Пока не стать пенёком навеки, и даже на минуток пять. Но протекают совы в реки - и пыл их перьев не унять. Умять ты можешь наше пнясо в печенье, чае, пирожках. Плодится пусть чрез янтры раса, овеществлённая в пенёках. В веках - не совы, но Совины! Совин Совет - заветов свет. А главный среди их раввинов, конечно, Такой, спору нет.

Голографический и с клювом, небесный проводник идей и чудо в перьях с ветродувом, обетованный иудей! Обрубки здесь и наши мины, святые земли - сущий рай. Ты уходи из сей долины и край пенёков не загрязняй своим присутствием и речью, надеешься и бродишь тут. Вот скинем шкуру человечью - и станешь вылитый верблюд. Пока тебя не превратили, ты не испытывай навзрыд терпение. Беги, весь в мыле - Такой тебя не превратит.

Он просто мыло не выносит. И сор совиный из избы. Пока на землях наших носит - мы устроители судьбы. Ничто не вечно. Ты - не вечен. Лишь вечно пнясо среди рос. Так что свали, о человеке - и будешь, как хороший пёс! - произнесла речь, пенёк рассмеялся, а за ним последовал и озорной атаманский гул пенёковых голосов вокруг. Я почувствовал, как несусь вверх в туннель белого света. В следующий же момент снова пришёл в себя сидящим на стуле в комнате собственной квартиры - уже в теритый раз абсолютно неожиданно за прошлые дни. Всё моё тело изрядно задеревенело, но к счастью, не было по-находящему деревянным.

Тогда, сплюнув три раза через плечо, я постучал по дереву, решив тотчас

же сесть за стол и записать во имя вечной человеческой памяти случившуюся со мной историю, сохранив её в веках будущих поколений.

*Белусов Роман,
05 ноября 2015 года*